

УДК 811.2

«ЧЕЛОВЕК ЭТНИЧЕСКИЙ» В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Сироткина Татьяна Александровна,

*д. филол. н., доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета (г. Сургут, РФ);
e-mail: sirotkina71@mail.ru*

В статье на материале текстов исторической прозы уральских и сибирских писателей рассматриваются средства создания образа «человека этнического» и делается вывод о том, что этнонимы, функционирующие в текстах исторической прозы, отражают оппозицию «свой – чужой», служат средством объективации, выполняя функцию реально-исторической достоверности, а также выполняют эмоционально-стилистическую функцию, являясь средством художественной выразительности.

Ключевые слова: этнонимы, историческая проза, имагология, этнические стереотипы.

Введение

В научных поисках последнего десятилетия внимание исследователей привлекла такая междисциплинарная отрасль знания, как имагология, которая ставит во главу угла изучение ментальных представлений народов о себе и своих соседях. Показательны в этом отноше-

нии, например, монографии С. С. Наливайко «Глазами Запада: рецепция Украины в Западной Европе XI–XVIII ст.» (Киев, 1998), В. В. Орехова «Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.)» (Симферополь, 2006).

Ключевым для современной имагологии является понятие «этнообраз», конструирующее не только индивидуальное восприятие «своих» и «чужих», но и стереотипные представления и ассоциации, связанные с проблемами взаимопознания и взаимопонимания. По словам Т. М. Марченко, осознание сложной, структурно многоуровневой природы этнообразов определило главную стратегию современной гуманитаристики – «их реконструкция и анализ осуществляются как неотъемлемая составляющая национальной картины мира в определенный синхронический период ее развития» [7, с. 317].

Интересно, на наш взгляд, изучение литературных этнообразов, поскольку они раскрывают грани не только национальной, но и индивидуально-авторской картины мира. Именно автор, как отмечает Д. С. Наливайко, не просто разворачивает образ, а «эксплицирует его, целенаправленно или имплицитно» [8, с. 10]. Особенно показательным исследование этнообразов в рамках определенного регионально-культурного пространства, поскольку позволяет реконструировать не только национальную, но и региональную картину мира.

Этнические образы в художественных текстах

Писатель, создающий историческое произведение, передает с помощью языка художественного текста те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности. На примере текстов пермской исторической прозы рассмотрим, каким рисуют авторы исторических романов образ «человека этнического». Для анализа будут использованы повесть Николая Никонова «Ермак», романы Михаила Строганова («Камни господни»), Евдокии Туровой («Слезы лиственницы») и Алексея Иванова («Чердынь – княгиня гор», «Золото бунта», «Message: Чусовая»), повествующие об исторических событиях, происходящих в Пермском крае. Являясь но-

сителями определенной этнической культуры, авторы произведений реализуют в своих текстах оппозицию «свой – чужой», присутствующую в языковой картине мира народа.

Представитель «чужого» этноса в рассматриваемых текстах часто не называется конкретно, а именуется просто *иностранцем*: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца» [7, с. 278]. Ту же функцию – номинации «чужих», независимо от национальной принадлежности – выполняет лексема «иноплеменные»: «– Ведаю про измену вашу великую! И про то, что отложиться хотели к иноплеменным!» [10, с. 262].

Однако чаще всего категория этничности является эксплицитной, получая выражение в конкретных этнических именах, актуальных для описываемого региона. Так, например, *татары* – самый распространенный этноним в произведении Н. Никонова. Как и в русской культуре в целом, он имеет здесь коннотацию «хитрые»: «Понял Ермак, что *татарин обманул*» [9, с. 23]. Передавая живую речь русских, автор использует форму *татапе*: «Теперь осторожны татаре» [9, с. 20].

Представители угорских народов – *остяки и вогулы* – описываются автором в неразрывном единстве: «Местные жители – вогулы и остяки – ушли в леса» [9, с. 15]; «На казачье зимовье напала однажды большая рать вогулов, остяков...» [9, с. 15]; «Остяцким и вогульским князьям послали гонцов, и князья скоро явились к Ермаку» [9, с. 21].

Этноним *русские* нельзя назвать актуальным для данного текста, поскольку главными героями являются представители этнографической группы русских – *казаки*. Однако он встречается в составе словосочетания *русские переселенцы*: «А по проторенной Емаком дороге в Сибирь шли и шли русские переселенцы и военные отряды» [9, с. 24].

Одному из героев Н. Никонов дает прозвище *Мещеряк* – оно является не авторской выдумкой, а исторической реальностью. Данное прозвище конкретного человека, взятое из летописей, использовали и другие пермские писатели: «Из старых атаманов остался только самый осторожный и самый осмотрительный Матвей Мещеряк» [9, с. 22].

Важная роль этнонимов в художественном тексте – служить средством объективации. Этнические имена и образования от них выполняют функцию реально-исторической достоверности. Как и в других типах дискурса, в художественном дискурсе мы можем наблюдать существование внутритекстовых и межтекстовых парадигм этнонимов, например, *вогулы – вогуличи – вогульцы*: «В городище чердынском шепчутся, что летом вогулы придут» [2, с. 91]; «Брешет, вогуличи налетели» [2, с. 62]; «Так ведь там, говорят, проклятое место. Вогульцы идолопоклонствовали» [5, с. 45].

С другой стороны, мы наблюдаем парадигмы, состоящие из автоэтнонимов и экзоэтнонимов. Если этноним *русские* употребляют сами русские, то пермяки (коми-пермяки) называют их *роччиз*, вогулы – *русами*, а татары – *урус*: «Но пермяки разволновались и осенью съехались на совет в Янидор, куда пригласили и молодого князя русских» [2, с. 72]; «Вас, роччиз, как друзей мы пустили жить на наших землях» [2, с. 72]; «Русы-новгородцы – древние наши враги, – сказал Асыка» [2, с. 13]; «Уруса Ермака брать живым, только живым» [10, с. 19].

Средством объективации в текстах исторической прозы служат не только сами этнические имена (*вогулы, русские, татары, остяки* и т. д.), но и названия деревень, фамилии героев, прозвища.

Наиболее актуальными для рассматриваемых произведений являются следующие виды этнотопонимов и этноантропонимов:

1. Оронимы (*камень Пермяков, Вогулинская гора, Чувашский мыс, Чувашева гора, Югорский камень*): «Деревня Пермякова расселась на левом берегу напротив камня Пермякова» [5, с. 552]; «А вот скала Вогулинская Гора так и не доползла до берега, чтобы тоже стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми острями обиженной кучей» [5, с. 551]; «На подступах к Искеру, под Чувашевой горой, в узкой ложине по берегу... устроили засеку из больших деревьев» [9, с. 21]; «В 1974 году новая грамота разрешила купцам строить городки за Уралом (Югорским камнем)» [9, с. 13].

2. Ойконимы (*деревни Пермякова, Полякова*): «Жаль, умер разбойник Пермяков, от чьего корня пошла деревня (д. Пермякова)» [5, с. 552].

3. Антропонимы. Пермская фамилия Зырянкин, прозвища Татарин, Зырянниха, Еран (так в Прикамье называли бродячих остяков) – все эти этнонимные образования очерчивают этнокультурное пространство текста, наполняя его художественными ассоциациями автора: «С детства его звали Татаринком за маленький рост и скуластое, смуглое лицо» [2, с. 38]; «Прохора Зырянкина в Кашке любили не шибко; полдеревни у него в должниках ходило» [5, с. 270]; «Народ будто ошалел, когда увидел, что Зыряннику притащили за волосы уже мертвую – лопнуло бабье сердце» [5, с. 270]; «Никто сюда не ходит, кроме охотника Ерана» [5, с. 657].

В картине мира каждого народа существуют представления о «своих», складывающиеся в интраобраз, и представления о «чужих», формирующие экстраобразы. Так, в этнической картине русских старообрядцев, представленной в романе Е. Туровой, отмечаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Особенности вероисповедания: «Тятя и сказывал про Вотячку гору. Не проста гора-то была – молельна гора у вотяков» [11, с. 167].

2. Отличительные черты антропонимикона: «А тетя Руми? Имя какое-то нерусское, я и не знаю таких в деревне» [11, с. 203].

3. Особенности характера и поведения: «Как у русского чё выспросить, русский знают, а чуть чё – сразу по-русски плохо! Шибко оне хитрые, вот чё» [11, с. 206].

4. Внешние отличия: «Оня скоро затосковала среди русских. Какие они некрасивые: лица белые, глаза круглые!» [11, с. 211]; «Вотяки народ некрупный, светлоглазый, с жидкими светлыми волосами» [11, с. 225].

5. Языковые особенности: «Русские же умеют разговаривать только словами, они знают очень много слов. Как можно знать столько слов? Трудно разговаривать с русскими» [11, с. 211].

6. Отличия в обрядах и традиционной культуре: «Она собралась в далекую страну Ымме. Пусть русские глубоко закапывают в холдную землю своих умерших. Она не хочет туда» [11, с. 217].

Многие этические и нравственные оценки также отражаются через оппозиции. Так, традиции и мораль этнографической группы

русских *кержаки* противопоставляется укладу жизни *русских*: «После кондовых кержацких посадов стыд было смотреть на русскую нищету и голь» [5, с. 594]. У людей, принадлежащих к одной нации, но разным этнографическим группам, возникает проблема взаимопонимания: «Кержакам душу православную не понять, молчи уж!» [5, с. 434].

Напротив, некоторые этнические имена стоят в одном ряду на шкале оценки: «Что *остяки* на Иртыше, что *вогулы* на Чусовой – всё одно» [5, с. 359]; «*Истяжьельство* – то же *беспоповство*, только с вогулами и для сплавного дела» [5, с. 240].

Писатели используют этнические имена для этической оценки поступков героев. Традиционно при этом учитывается соответствие или несоответствие поступка (а также мотива или поведения в целом), черт характера личности, общественного образа жизни определенным моральным нормам и требованиям.

Показательны, например, высказывания героев А. Иванова, отражающие представления русских, связанные с носителями «чужих» культур: «*Татары* – они как кошки живучи» [5, с. 518]; «Простаков *пермякам* всегда хватало» [5, с. 553].

Лиричность повествованию придают отдельные стихотворные контексты, в которых употребляются этнонимы: «*На широких крыльях песни унесу вас в край преданий, // пусть слова мои, как зерна, в вашем сердце прорастают, // есть запев у древних песен, есть начало у народа, // сероглазые чудины жили в парме в давний век*» [2, с. 87]. Особенностью использования этнонимов в поэтическом тексте является акцентологическое варьирование, подчиненное рифме: «*Други, Печоры ли дикой сыны – // Злые остяки, вогулы, // К вере христовой враждою полны, // Снова несут вас посулы?*» [6, с. 33].

Носителем армянских представлений о людях, населяющих наш край, является пермский писатель Юрий Асланьян. В автобиографической повести «Пролом – Вишера – Пролом» он пишет: «По всей земле разбросала судьба *армян, греков и болгар* – до самой Вишеры» [1, с. 247]. Занесла сюда судьба и семью писателя. Благодаря тому, что у его отца «хорошая память – армянская», Ю. Асланьян хорошо знает историю мучений, которые при-

шлось пережить людям разных национальностей, высланных Сталиным в Пермский край: «Когда *армян* привезли на Вишеру, *татары* были уже здесь. Они валили лес и катали бревна на лесоскладах. Работали на лесопунктах – в поселке Мутиха, Парма, Тепловка и других» [1, с. 260].

Являясь сам представителем притесняемой в те годы части нации, Асланьян испытывает сочувствие, сопереживание к таким же, как его предки: «Лихая жизнь досталась в тот год *цыганам*. Зная свободолюбивый нрав артистов, гастролеров и гадалок, чекисты постарались забросить их подальше на север» [1, с. 261].

В ситуации существования многонациональных сообществ ссыльных люди не ощущали своих различий, их судьбы были одинаковы: «Отец мой грузил на баржи бумагу, возил тачкой сучья. И рядом с ним горбатился одногодок и друг *болгарин* Миша Нагалов из Коктебеля» [1, с. 261]. Созерцание одной и той же природы, жизнь в одних и тех же условиях делали людей, принадлежащих к разным культурам, чем-то похожими: «Кого здесь только не было... За рекой напротив города поднимает тайгу к небу гора Полюд – ее видел из Чердыни *еврей* Осип Мандельштам. А под горой сидел *русский* Варлам Шаламов. По вишерской тайге уходил в свой последний побег *эстонец* Ахто Леви, написавший потом «Записки серого волка» [1, с. 263].

Этническая картина мира русского населения Прикамья ярко отражена в произведениях А. Иванова. В интервью с Г. М. Ребель писатель говорит: «Когда я бывал в тех местах, на севере Пермской области, где разворачивается действие романа, у меня рождалось ощущение мистики: она разлита в этой природе, в этих горах, пнях, вековых лесах. Это все интуитивно воспринимается как страшное, как дремучее, как что-то мудрое... Я вот сам – человек реки. Русские люди – это люди реки. А финно-угорские племена – это люди лесов. Это разные менталитеты, и нам у них – страшно» [3, с. 14].

В статье А. Иванова, опубликованной в одном из пермских журналов, с иронией описан процесс «овогуливания» современного русского человека в условиях туристического похода: «Овогулившийся человек – это человек, три дня пивший на свежем воздухе и спавший на сырой земле. Рожа у него – кирпичного цвета, покрыта

грязной щетиной, глаза заплыли, волосы сваялись, руки порезаны крышками банок с тушенкой, которой он закусывал, спина прожжена костром, шапка и сотовый телефон потеряны, штаны порваны. Это очень счастливый человек. В обычной жизни он был начальником какой-нибудь фирмы или программистом, а сейчас – вогул» [4].

Заключение

Таким образом, образ «человека этнического» в художественных произведениях пермских авторов отражает этническую составляющую ментальности народов, проживающих в регионе. Этнонимы, функционирующие в текстах исторической прозы, отражают оппозицию «свой – чужой», служат средством объективации, выполняя функцию реально-исторической достоверности, а также выполняют эмоционально-стилистическую функцию, являясь средством художественной выразительности.

Список использованных источников

1. Асланьян Ю. Пролом – Вишера – Пролом / Ю. Асланьян // Третья Пермь. Пермь, 1999. Вып. 1. С. 246–282.
2. Иванов А. Чердынь – княгиня гор / А. Иванов. Пермь: Кн. изд-во, 2003. 348 с.
3. Иванов А. «Я интуитивно понимал, что надо сделать так, а не иначе» / А. Иванов // Филолог. 2004. № 4. С. 10–18.
4. Иванов А. Угорский архетип в демонологии сказов Бажова / А. Иванов // Филолог. 2004. № 5. С. 19–26.
5. Иванов А. Золото бунта / А. Иванов. СПб. : Азбука-Классика, 2005. 542 с.
6. Какорин А. Священная седмица святых просветителей пермской страны (XIV – XVII вв.) / А. Какорин. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. 132 с.
7. Марченко Т. М. Украинские литературные этнообразы как объект современных текстологических исследований / Т. М. Марченко // Пушкинские чтения – 2012. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст: мат-лы XVII Междунар. науч. конф. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. С. 316–322.

8. Наливайко Д. Очима Заходу: рецепція України в Західній Європі XI – XVIII ст / Д. Наливайко. К. : Основи, 1998. 286 с.

9. Никонов Н. Ермак / Н. Никонов // Уральский следопыт. 1973. № 4. С. 15–25.

10. Строганов М. Камни господни / М. Строганов. СПб. : Крылов, 2006. 352 с.

11. Турова Е. Кержаки. Проза / Е. Турова. Пермь : ООО «Мама-ТОВ», 2007. 320 с.

«ETHNIC MAN» IN THE SPACE OF TEXTS HISTORICAL PROSE

Sirotkina Tatiana,

*Ph.D., assistant professor of literary education and journalism
Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia);
e-mail: sirotkina71@mail.ru*

The article on the means of creating “human ethnic” way of historical prose texts material Ural and Siberian writers considered and concluded that ethnonyms operating in historical prose texts reflect the opposition “- another’s” serve as a means of objectification, performing the function of realno- historical accuracy, and perform emotional and stylistic function, as a means of artistic expression.

Keywords: *ethnonyms, historical fiction, imagology, ethnic stereotypes.*

References

1. Aslanyan, Yu. Break – Vishera – Break / Yu. Aslanyan // Third Perm. Perm, 1999. Vol. 1. S. 246 – 282.

2. Ivanov, A. Cherdyn – Princess Mountains / A. Ivanov. Perm, 2003. 348 p.

3. Ivanov, A. “I intuitively understood that it is necessary to do so, and not otherwise” / A. Ivanov // Philologist. 2004. № 4. Pp. 10 – 18.

4. Ivanov, A. Ugric archetype in demonology tales Bazhov / A. Ivanov // Philologist. 2004. Number 5. – Pp. 19 – 26.

5. Ivanov, A. Gold riot / A. Ivanov. M., 2005. 542 p.

6. Kakorin, A. Sacred sedmeritsa holy educators Permian country (XIV – XVII centuries.) / A. Kakorin. Perm: Publishing house of Perm University Press, 1996. 132 p.

7. Marchenko, T. M. Ukrainian literary etnoobrazy as an object of modern textual research / T. M. Marchenko // Pushkin readings 2012. “Live” tradition in literature: genre, author, character, text: Materials of XVII Internat. scientific. konf. SPb.: LSU them. AS Pushkin, 2012. S. 316 – 322.

8. Nalivayko, D. Ochima Sunset: retseptsiya Ukraina in Zahidniy Evropi XI – XVIII Art / D. Nalivayko. K.: BASIS, 1998. 286 p.

9. Nikonov, N. Ermak / N. Nikonov // Ural pathfinder. 1973. № 4. Pp. 15 – 25.

10. Stroganov, M. Moscow Stones of the Lord / M. Stroganov. SPb.: Krylov, 2006. 352 p.

11. Turova, E. Kerzhakov. Prose / E. Turova. Perm: OOO “Mamatov”, 2007. 320 p.